

ПОТАЕНКО Н. А.

К ЯЗЫКОВОМУ ОСВОЕНИЮ ВРЕМЕННОЙ СТРУКТУРЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Время и пространство являются неординарными объектами исследования. Они привлекали и привлекают внимание философов и представителей многих других наук [1—3]. Изменение знаний об окружающем мире, пересмотр существующих концепций в той или иной мере затрагивают также наше понимание времени и пространства. Являясь наряду с пространством основной формой существования материи [4], время по-разному проявляется на разных уровнях ее организации. Это дает основание говорить о физическом, биологическом, социальном, психологическом и других временах [5, с. 223—224]. Стимулом для активизации исследований времени и пространства в ряде наук послужила разработка А. Эйнштейном теории относительности, в рамках которой выводится взаимозависимость и неразрывность времени и пространства. Эволюция, которую претерпели физические и философские представления о сущности пространства и времени в процессе обсуждения проблем теории относительности, привела к признанию реляционной концепции пространства и времени¹, подтвердив справедливость ленинского положения об относительности и изменчивости человеческих представлений о сущности пространства и времени. В то же время эта эволюция полностью подтвердила учение об их объективности [6, с. 110].

В поисках путей решения проблемы времени проводится изучение его в рамках отдельных наук с возможным последующим обобщением. Последняя задача представляет собой определенную трудность, поскольку требует определения предмета исследования в рамках отдельных наук с решением довольно широкого круга вопросов.

Результатом научной деятельности является возникновение ряда частнонаучных категорий времени, входящих в число базовых категорий той или иной науки, причем термин «время» используется для обозначения отдельных свойств времени и поэтому содержание понятия времени, которое фигурирует у экономистов [8], историков [9], литературоведов [10], геологов [11], социологов [12], не совпадает.

Существование языковых средств, связанных с выражением понятия времени, обусловлено рядом обстоятельств. Речь идет, во-первых, о закреплении в системе языка **результата** освоения человеком временной структуры действительности (гносеологический аспект), что является результатом выполнения языком своей экспрессивной функции². Другим фактором является потребность адекватной **передачи** своего понимания временной структуры действительности при помощи соответст-

¹ В современном ее виде реляционная концепция рассматривает пространство и время как свойства или атрибуты материи, как систему отношений между физическими событиями и телами. Эта система отношений не является первичной, ни от чего не зависящей. Напротив, она самостоятельного существования не имеет, а является следствием, результатом движения и взаимодействия материальных систем и событий [6, с. 110]. В рамках данной концепции пространство и время определяются следующим образом: «Пространство-время есть множество всех событий в мире, отвлеченное от всех его свойств, кроме тех, которые определяются отношением воздействия одних событий на другие» [7, с. 227].

² Термин «экспрессивная функция» употреблен в значении «познавательной, мыслительной, когнитивной функции», которая наряду с коммуникативной функцией является социальной природу языка [13].

вующих языковых средств (коммуникативный аспект). Кроме того, естественный человеческий язык, будучи продуктом и одним из условий существования социальной формы движения материи, также имеет свои пространственно-временные характеристики (онтологический аспект). Отсюда выделение в лингвистических исследованиях, посвященных проблеме времени, аспектов (направлений), рассматривающих: 1) в р е м я в языке, и 2) язык во в р е м е н и [14].

Изучение языка во времени и пространстве ведется в нескольких направлениях. Ареальная лингвистика (пространственная лингвистика) включает в себя характеристики языка в его связи с пространством. Лингвистика историческая (диахроническая, синхроническая, динамическая, эволюционная) изучает язык, соотнося его состояния с разными периодами истории и историческими событиями, периодами времени. В рамках психолингвистики изучаются темпы усвоения языка в зависимости от порядка подачи языкового материала (временной фактор), закономерностей развертывания речевого сообщения во времени, степени воздействия на реципиента пространственно-временных параметров текста (размеры шрифта, его расположение, время подачи текста, скорость подачи). Все названные направления в лингвистике исследуют язык в его пространственно-временном соотношении.

Время во всех названных случаях рассматривается как внешний фактор по отношению к языку. Так, например, сравнивается одно состояние языка с другим его состоянием, когда между ними лежит определенный промежуток в р е м е н и, описывается изменение определенного участка языка за некоторый промежуток в р е м е н и, исследуется относительная хронология лингвистического феномена.

Язык располагает организованной системой морфологических, лексических и синтаксических средств выражения понятия времени и временных отношений. Эти языковые средства разнородны по своему составу. Последнее проявляется как в содержательном, так и в функциональном плане. В содержательном плане в разных языках выделяются единицы разных уровней, имеющих собственно временное значение: на морфологическом уровне таковыми являются специализированные временные морфемы; на лексическом уровне — слова с временным значением; на уровне предложения — синтаксические конструкции. В функциональном плане в разных языках наблюдается специализация языковых единиц в плане с п о с о б о в передачи временного содержания, проявляющаяся в наличии категории времени у глаголов, причастий, деепричастий, у предикативов (например, во вьетнамском языке). Входя в разные лексико-грамматические разряды, слова с временным значением несут соответственно разную функциональную нагрузку в составе высказывания. На уровне предложения наблюдается взаимодействие лексических и грамматических средств, когда языковые единицы теряют свою самостоятельность, образуя новую единицу со свойственным ей временным значением (ср., например, случаи так называемой временной транспозиции: употребление временных форм глагола в несвойственной им функции).

Для выражения отдельных, наиболее часто выражаемых типизированных отношений предшествования, следования, одновременности, законченности, длительности во времени в языках выработаны видо-временные грамматические категории. Отметим, что структура их отличается от языка к языку, например, двучленная оппозиция: прошедшее и непрочетшее время в китайском и японском языках³, настоящее/прошедшее и будущее в вивхском языке [15, с. 91], трехчленная структура, включающая настоящее, прошедшее и будущее в русском и некоторых других славянских языках; система прошедших, предпрошедших, настоящих, будущих и предбудущих времен в романских и германских языках.

При определении значения формы времени глагола исходят из двух моментов: из «физического» и «грамматического». Принципиальное разли-

³ Некоторые исследователи не выделяют в китайском языке и этих категорий [17, с. 267].

чие между физическим и грамматическим подходами к определению значения форм настоящего времени глагола заключается в том, что в первом случае значением формы настоящего времени считается соотношенность некоторого события с моментом речи, а во втором случае — отнесенность некоторого события к некоторой длительности, к которой относится и момент речи. При «физическом» подходе форма настоящего времени глагола не наделяется длительностью, она указывает только на соотношенность некоторого события с моментом речи, а при «грамматическом» подходе форма глагола настоящего времени наделяется длительностью, к которой относится и момент речи [16, с. 68].

Развитие подобного взгляда применительно к объяснению глагольно-го времени приводит к следующей трактовке соотношения форм языка и времени: «Грамматическими темпоральными значениями и форм времени глагола являются не отрезки реального течения времени с моментом речи как точкой, соединяющей прошедшие и будущие отрезки времени, а структура времени, расчлененного на длительности, из которых одна характеризуется тем, что к ней относится момент речи, а другие — предшествованием этой длительности» [16, с. 68; разрядка наша. — П. Н.]. В этой концепции момент речи представляет собой не точку, соединяющую прошедшее и будущее, а точку, которая выделяет одну длительность таким образом, что другая рассматривается как предшествующая ей, а третья — как следующая за ней. Однако данная проблема еще ждет своего решения, поскольку нет единого взгляда на соотношение рассматриваемой формы и представляемого ею времени.

Помимо категории времени глагола выделяется также категория времени предложения, «членами которой являются разные структуры предложения, допускающие в своем составе разное количество темпоральных форм глагола» [16, с. 69]. Выделение категории времени предложения основывается на фактах несовпадения времени глагола, употребленного в предложении, с временем, выраженным в предложении, например, употребление исторического настоящего, где глагол настоящего времени обозначает действие, относящееся к прошлому. Многочисленны также случаи употребления настоящего времени глаголов для обозначения будущего действия. При введении категории времени предложения сохраняется трактовка «грамматического» подхода к определению значения формы времени.

Временное значение выводится также на основе «синтаксической структуры предложений и форм косвенных наклонений и инфинитива в сочетании с другими элементами контекста» [18, с. 11]. Совокупность этих средств, а также системы временных форм глагола и лексических показателей времени образуют функционально-семантическую категорию темпоральности. Причем указывается, что семантическое содержание категории темпоральности аналогично значению морфологической категории времени в интересующем нас случае [18, с. 8—9].

В рамках этой теории системе форм времени предписывается передача структуры временных отношений действительности при помощи личных форм глагола, причем отмечается, что лексические средства выражения темпоральности «в целом не являются специальными выразителями абстрактных темпоральных отношений» [18, с. 20—21].

При рассмотрении грамматической временной формы ряд авторов предписывает ей в выражении отношений во времени момента речи и какого-либо действия. Однако временные отношения действительности не сводятся только к соотносению множества действий с моментом речи или с другими действиями во времени. Грамматических временных форм и синтаксических средств оказывается явно недостаточно для выражения многообразных видов временных отношений действительности, таких как: кратковременность — долговременность, непрерывность — прерывность во времени, последовательность — непоследовательность во времени, единицы измерения времени и др. Эту функцию выполняют лексические единицы и словосочетания.

В данном случае речь идет о существовании в каждом языке обширного массива слов, в значении которых временной компонент играет ключевую роль и без которого слово теряет свой смысл. Временной компонент в смысловой структуре слов занимает различное положение, демонстрируя сложную гамму временных признаков объектов действительности, временных отношений, в которых они находятся. Значение слов указывает на самые разные способы временной маркированности объектов и явлений объективной действительности, которые в той или иной степени несут на себе «печать» времени. Наглядное представление об этом дают дефиниции толковых словарей, которые являются как бы рентгеновским снимком, выявляющим временную характеристику определенного фрагмента объективной действительности, обозначаемого словом, как она отражена в значении слова.

Анализ словарных дефиниций выявляет многоформенность, крайне сложное структурное, качественное и количественное многообразие временной картины мира, представленной содержательной стороной языковых единиц. Так, наряду со словами, имеющими временное значение⁴ в его «чистом» виде, например, *минута, день, год, время, будущий, вчера, потом, долго, сейчас* и др.⁵, в языке существует куда большая группа слов, значение которых может быть истолковано лишь со ссылкой на время, например, *медленный* «совершающийся, происходящий в длительный промежуток в р е м е н и»; *расписание* «таблица, в которой содержится указание на в р е м я, место, последовательность совершения чего-либо»; *завтрак* «еда у т р о м, до обеда», *журнал* «п о в р е м е н н о е издание политического, научного или литературного характера»; *поколение* «совокупность людей близкого возраста, живущих в одно в р е м я»; *часы* «прибор для измерения в р е м е н и», *хроника* «запись исторических событий в их в р е м е н н о й последовательности»⁶.

Исследования детской речи и детской психологии дают возможность установить некоторые закономерности в формировании понятия времени у отдельного индивидуума.

Отмечается, что предпосылкой для формирования понятия времени является чувство длительности, появляющееся у детей при регуляции действий. «Это усилия различного рода: усилие продолжения, усилие начинания, усилие окончания, которые начинают свое существование с тех пор, как живое существо что-то делает. Первые чувства длительности появляются именно в этот момент» [24, с. 181].

Появление речи знаменует собой начальный этап формирования понятия времени. Характерным признаком этого этапа является план н а с т о я щ е г о, когда вначале у ребенка отмечаются высказывания констатирующего типа без выделения частей речи. На начальном этапе ребенок оперирует понятиями тех предметов, которые находятся в поле его зрения. Глаголы в форме того или иного времени первоначально совсем не встречаются [25, с. 112—113]. По определению швейцарского ученого Ж. Пиаже, «временной порядок (для детей) — это порядок пространственных изменений или, если хотите, порядок чередования „состояний“, являющихся результатом этих изменений, идет ли речь о внешних движениях в физическом пространстве или же о внутренних движениях, т. е. об умственных операциях над пространством» [26, с. 279].

Данное положение подтверждается фактами развития детской речи. Так, «в первую очередь усваиваются категории с отчетливо выраженным конкретным значением.... раньше всех других категорий усваивается число существительных (около 1 года 10 месяцев), уменьшительные — неуменьшительные существительные. Повелительность» [25, с. 181]. Ха-

⁴ Под временным или темпоральным значением имеется в виду такое значение, содержанием которого является социально обусловленное отражение временных характеристик действительности. Подробнее об этом см. [19].

⁵ В первых четырех тысячах наиболее употребительных слов разных языков, судя по соответствующим словарям, слов с временным значением насчитывается около 150 [20—22].

⁶ Примеры взяты из [23].

рактерным для этого периода является также усвоение наречий с пространственным значением [25, с. 168—169]. Общим условием для данного периода является высказывание по поводу событий, непосредственно предшествующих или одновременных с актом речи.

Овладение языковыми средствами, позволяющими ориентироваться во временной структуре действительности, имеет ряд особенностей. Одной из них является роль временного плана самого акта речи (одновременность или непосредственное следование акта речи за явлениями, о которых идет речь), которая заключается в том, что на протяжении данного периода именно время речевого акта является маркером временного плана сообщения. В данном случае происходит регулярное включение экстралингвистического элемента (время речевого акта) в самую структуру высказывания. Это тем более интересно, что именно с него начинается процесс языкового структурирования временного континуума.

Непосредственное различение плана настоящего, прошедшего и будущего (по отношению к моменту речи) происходит на следующем этапе. Однако появлению дифференцированной системы глагольных форм настоящего, прошедшего и будущего времени предшествует промежуточный переходный период, когда ребенок употребляет одну форму глагола, никак не изменяя ее при этом, для обозначения двух, а позже для трех времен [27, с. 12]. Данный факт может быть истолкован следующим образом: вначале происходит дифференциация плана содержания с опорой на одну и ту же форму выражения, а на следующем этапе происходит дифференциация уже самой формы выражения.

Употребление одной и той же формы глагола для обозначения настоящих и прошедших событий у двухлетних детей отмечает И. М. Геодакян [28, с. 187]. Она же ссылается на ряд авторов, отметивших подобное явление у детей, говорящих на разных языках [28, с. 187].

Порядок усвоения времен ребенком, а также роль, которую играют в этом процессе лексические и грамматические средства, описаны в той или иной мере у разных авторов. В большинстве работ прослеживается следующий порядок усвоения времен: настоящее — прошедшее — будущее [30, с. 204].

Представляет интерес вопрос о соотношении грамматических и лексических средств выражения понятия времени на начальном этапе овладения языком ребенком. И. М. Геодакян отмечает появление у ребенка, наряду с формой настоящего времени, некоторых глаголов формы прошедшего времени этих глаголов в возрасте 1 г. 4 мес. 10 дн., а с 1 г. 7 мес. до 3-х лет — появление других временных форм [28, с. 186—187]. Она зафиксировала также более позднее (по сравнению с грамматическими элементами прошедшего времени) появление лексических средств, а именно, наречий *сейчас* (1, 8, 18) *уже* (1, 9, 27), *потом* (1, 11, 24), *когда* (1, 11, 4), *все время* (1, 11, 4), *долго* (2, 2, 21), *сначала* (2, 5, 5), *всегда* (2, 9, 8)⁷.

А. Грегуар отмечает появление прошедшего времени глаголов у детей, говорящих на французском языке, в период 2 г. 15 дн., 2 г. 3 мес. 24 дн. и далее [29, с. 129]. В тот же период появляются временные наречия: *сейчас* (2, 3, 18), *поздно* (2, 3, 6), *всегда* (2, 1, 18), *завтра* (2, 2, 5) [29, с. 114—116, 427—433].

А. Н. Гвоздев для детей, говорящих на русском языке, отмечает появление отдельных времен в возрасте 1 г. 10 мес. (настоящее и прошедшее) и через месяц — форм будущего времени [25, с. 113]. Наречия времени появляются в следующем порядке: *сейчас* (1, 11, 13), *скоро* (1, 11, 24), *мысль* (2, 0, 3), *вчера* (2, 0, 14), *сначала* (2, 1, 3), *тогда* (2, 2, 28), *когда* (2, 2, 28), *теперь* (2, 3, 22) [25, с. 168—169].

На основании имеющихся наблюдений представляется затруднительным выделить первичность появления грамматических или лексических средств выражения понятия времени в речи ребенка. Имеющиеся данные свидетельствуют скорее всего в пользу одновременного появления грамматических и лексических средств и об их взаимодействии.

⁷ В скобках после слов первая цифра обозначает год, вторая — месяц, третья — день.

Интересный материал дает изучение наречий, употребляемых ребенком. Употребление ребенком обстоятельств свидетельствуют о его понимании отношений, в которых находятся явления окружающего его мира. Усваивая наречия (преимущественно они на первых порах являются обстоятельствами в предложении), ребенок делает следующий шаг в направлении от лексики, обозначающей объекты, к лексике, обозначающей отношения. В первую очередь ребенок овладевает пространством, о чем свидетельствует усвоение им категории числа существительных, уменьшительных — неуменьшительных существительных, падежей. Наречия места появляются в среднем на два месяца раньше, чем наречия времени [25, с. 168—169; 29, с. 374—375, 380; 30, с. 13].

Процесс структурирования временного континуума не исчерпывается делением времени, которое ориентировано на момент речи. Далее начинается процесс овладения средствами: 1) обозначающими относительные временные отношения, не ориентированные на момент речи (во французском языке, например, это система предпрошедших и предбудущих времен) и 2) овладение лексикой, значение которой указывает на определенную временную структуру действительности, выявляет временные параметры явлений действительности.

В то время как временные формы глаголов имеют ограниченные возможности, направленные: 1) на локализацию сообщения в определенном временном плане и 2) на координацию временных планов сообщения, темпоральная лексика разных разрядов имеет гораздо более широкие возможности.

Наблюдаемые франкоязычные дети употребляют первоначально слова с временным значением только в составе обстоятельственных временных групп. Темпоральные единицы в зарегистрированных случаях уточняют время действия (*pendant les vacances* «во время каникул», *dans la nuit* «ночью», и др.), указывают на его временные параметры (*toujours* «всегда»), на временной план действия (*bientôt* «скоро», *autrefois* «когда-то», *hier* «вчера»), на одновременность, предшествование и следование (*quand* «когда», *avant* «до», *puis* «затем»). Основное ядро темпоральной лексики рассматриваемого периода составляют наречия.

На данном этапе, который приходится на конец третьего года жизни ребенка, уже обнаруживается начало формирования системы темпоральной лексики, ориентированной на момент речи:

<i>autrefois</i>	—	<i>hier</i>	—	<i>maintenant</i>	—	<i>demain</i>	—	<i>bientôt</i>
<i>alors</i>				<i>aujourd'hui</i>				
				<i>toujours</i>				

Следующий (дошкольный) этап (5—8 лет) отмечен преимущественным усвоением лексики, связанной с названиями частей суток, единиц измерения времени, единиц календаря, времени празднования тех или иных событий. Усвоение именно этой группы слов может свидетельствовать о важности средств близкой временной ориентации в повседневной жизни.

Усваивая названную лексику, ребенок делает шаг, с одной стороны, к упорядочению своей деятельности в рамках определенной временной системы, а с другой стороны, выделяет временные параметры разнообразных процессов, пользуясь единицами измерения времени. Временные промежутки, которыми ребенок овладевает в этот период, носят качественную окраску. Так, названия месяцев тесно связаны с определенными сезонами, выделяемыми по качественным состояниям природы, а названия частей суток — с положением солнца на небосводе. Дни праздников также отмечены различными неординарными событиями.

Дальнейшее развитие понятия времени (школьный возраст) характеризуется появлением ряда абстрактных терминов общего характера, позволяющих иерархизировать уже знакомую темпоральную лексику, подвести ее разные подгруппы под родовые понятия, а те, в свою очередь, под общее понятие времени и длительности.

В обиходной лексике время представлено как линейное, являющееся средой, фоном, на котором разворачиваются все события. Вместе с тем каж-

дое событие имеет свой отсчет на оси общего времени, а также свою длительность.

Специальные исследования и данные толковых словарей выявляют еще один аспект в отношении человека ко времени. Речь идет о существовании ряда слов, свидетельствующих о наличии абстрактных временных систем, например, *григорианский календарь* (и другие календари), *время* (философская категория), *время* (грамматическая категория), *художественное время* и др. Последняя группа слов представляет уже не понятия времени, а понятия о п о н я т и я х времени. Таким образом, возникает новое поколение понятий, свидетельствующих о систематизации и структурировании определенным образом отраженного времени.

Современные языки выявляют, как уже отмечалось выше, разнообразие способов выражения понятия времени и временных отношений действительности. Исследования, посвященные процессу становления категории времени в отдельных языках, свидетельствуют об определенных закономерностях в развитии средств времяобозначения. Следует выделить несколько путей в истории формирования языковых средств, связанных с выражением понятия времени. В плане грамматических средств выражения понятия времени различные языковые группы располагают дифференцированной системой морфем и синтаксических конструкций, способных придавать разным языковым единицам временное значение одновременности, предшествования, следования. В и.-е. языках для выражения временных значений преимущественно используется глагол и отглагольные образования (причастие и деепричастие), регулярные формы которых лежат в основе выделения морфологической категории времени. Отметим, что не во всех языках категория времени находит выражение через глагольные и отглагольные формы. Во вьетнамском языке такую функцию могут выполнять предикативы, в китайском языке не наблюдается регулярных грамматических форм для выражения временных отношений. Временной план передается при помощи слов, имеющих временное значение, при помощи контекста, а в устной речи — ситуативно.

В эскимосских и самодийских языках временные показатели присоединяются к любой части речи, но только употребленной в функции сказуемого [31, с. 50, 69].

Как известно, праиндоевропейский язык выражал не столько временные, сколько видовые характеристики действия: длительность, начало или конец, предельность, неопределенность, результативность, повторяемость. Указывают также на прасемитский язык, который не имел средств для различения времени глагола, но передавал различные значения предположительности, возвратности, усиления, причинности. «История индоевропейских языков нам показывает, что понятие времени более недавнее, чем понятие вида, и что первое заменило второе» [32, с. 109].

По мнению Б. П. Ардентова, становление глагольных временных форм в индоевропейских языках вырисовывается — в самых общих чертах, конечно, — в таком следовании. Глагол в древнейшую эпоху существования и.-е. языков категории времени не имел; глагольные формы обозначали действие в н е в р е м е н н о е, т. е. такое, которое мыслилось наличествующим и в прошлом, и в настоящем, и в будущем. Соотнесение действия с тем или иным временным планом определялось самой речевой ситуацией.

На базе результативного вида выкристаллизовалось прошедшее время: результат действия вырисовывался наиболее четко в том случае, когда оно уже с о в е р ш и л о с ь, т. е. уже было в прошлом, предшествовало моменту речи. Формы глагола, обозначающие такое действие, и осознались как формы прошедшего времени. По отношению к ним другие глагольные формы стали осознаваться как формы н а с т о я щ е г о времени, т. е. обозначающими действие, совершающееся одновременно с моментом речи. Формы будущего времени — самые поздние по своему становлению. Это подтверждает тот факт, что в хеттском языке, самом архаичном из всех и.-е. языков, глагол не имел форм будущего времени [33, с. 43—44].

Исследования, проводимые на материале разных языковых групп, подтверждают в некоторых частях данную схему поэтапного становления категории времени. Вместе с тем ряд факторов в развитии отдельных языков свидетельствует о чрезвычайной упрощенности данной схемы. Ср., например, видо-временную систему древних германских языков (IV в. н. э.), характеризовавшуюся противопоставлением двух временных форм: презенса и претерита [34, с. 5]. К XIII в. во всех германских языках завершаются основные этапы парадигматизации перфекта; в пределах XIII—XVI вв. в большинстве германских языков протекали процессы, связанные с развитием футурума; в XVI—XVIII вв. в английском языке произошла парадигматизация длительного вида [34, с. 28].

Таким образом исходная временная оппозиция готского языка — презенс — претерит — усложняется с появлением перфекта. В отличие от категории времени, где значения форм глаголов дифференцируются в зависимости от отношения действия к моменту речи (на первом этапе это предшествование или одновременность с моментом речи), критерием дифференциации форм перфекта служит предшествование или непредшествование с и т у а т и в н о м у м о м е н т у [34, с. 120]. Основным источником общегерманского перфекта считается синтаксическая конструкция *haben* + *V_{pp}* [34, с. 30], а также *sein* / *werden* + *V_{pp}* [34, с. 49—50].

Что касается Футурума, то «во всех германских языках, за очень немногими исключениями, центр образующихся футуральных микросистем составляют сочетания с модальными глаголами долженствования (ср.-англ. *shal*, ср.-в.-н. *sol*, ср.-нид. *sal*, др.-исл., др.-шв. *skal*) и отчасти волеизъявления (ср.-англ. *wol*, *wul*, ср.-в.-н. *wil*, др.-дат., др.-шв. *wil*). Эти словосочетания в целом перенимают футуральные функции оптатива, но употребляются в этом качестве более широко — как в независимом, так и в придаточном предложении» [34, с. 106].

История формирования временных форм русского языка свидетельствует о том, что в древнерусском языке существовали только сложные формы будущего времени [33, с. 48]. Отнесение действия в план будущего осуществлялось при помощи глаголов *имати*, *хотѣти*, *начати*, *стати*, за которыми следовали инфинитив, существительное, прилагательное или причастие. Значение данных глаголов ясно указывает на способ представления будущего действия. Второй способ связан с употреблением глагола *быти*, *буду*, который восходит к общеславяно-европейскому корню *bhū* «расти», что осмысливалось как «становление».

Во французском языке глаголы *avoir* «иметь», *être* «быть», *aller* «идти», *venir* «приходить» входят в состав сложных временных форм. Формы будущего простого *futur simple* образуются путем присоединения личных форм глагола *avoir* к инфинитиву смыслового глагола. Глаголы *aller* «идти» и *venir* «приходить» служат для образования форм *futur immédiat* («ближкое будущее»), *passé immédiat* («недавнопрошедшее») и др. В диалектах наблюдается образование будущего времени с участием глагола *vouloir* «хотеть».

Подобные закономерности можно наблюдать в ряде других языков. Несомненным является тот факт, что образование новых форм времени происходит при непосредственном участии глаголов *быть*, *иметь*, *идти*, *хотеть*, *долженствовать* в сочетании с инфинитивами и причастиями глаголов. Что касается и с х о д н ы х временных форм, которые послужили основой для дальнейшего развития видо-временной системы отдельных языков, то их становление следует рассматривать, с одной стороны, как результат специализации глаголов определенной семантики, а с другой стороны, как результат употребления в сочетании с лексикой, имеющей временное значение.

В современных грамматиках разных языков отмечаются многочисленные случаи транспозиции временных форм глаголов, когда последние употребляются в несвойственной им функции (случаи несовпадения времени предложения и категориального значения глагола), а передача временного плана предложения осуществляется при помощи лексических средств.

Собственно временное значение слово получает, пройдя ряд этапов. Например, русск. *лет* в значении единицы измерения, употребляемое в сочетаниях *пять лет, шесть лет* и т. д., развивалось следующим образом: на начальном этапе слово обозначало «тепло», затем «теплый сезон», «лето» (= сезон с его характерными признаками как промежуток времени), далее *лето* стало обозначать точку во времени (= единица измерения), «год как промежуток времени», «год как точку во времени», «время» (= *год* во мн. числе) [35, с. 83].

А. Шестак приводит ряд примеров из латинского и французского языков, свидетельствующих о процессе образования темпоральной лексики на основе понятий движения и пространства, например, *momentum* «момент» от *movere* «приводить в движение», *rescens* «только что» от *rescere* «удаляться», *futurus* «будущий» от и.-е. *bhū-*«расти» [36, с. 139].

Развитие знаний о природе, о времени, появление механизмов измерения времени, контакты между народами — все это приводит к появлению новой темпоральной лексики. Так, реконструкция праславянской системы временных обозначений выявляет четыре семантических подгруппы: 1) времен года (*zima, vesna, jarъ, lěto, jesenъ*); 2) частей суток (*jutro, dнь, večerъ, noktъ*); 3) неопределенных отрезков времени (*doba, vreme*); 4) разных по продолжительности промежутков времени (*časъ, godъ (godina), mesecъ* [37, с. 5].

Современные языки располагают уже гораздо более обширной номенклатурой временной лексики, превышающей тысячу единиц [38, 39]. Так, развитие астрономии и потребность в упорядочении экономической и общественной сферы жизни привели к созданию ряда календарей, что послужило причиной появления в языках разных народов группы слов-названий единиц календаря. В одних случаях это было полное заимствование, когда вместе с системой единиц календаря происходило заимствование и их названий, например, названия месяцев в русском, французском, английском, немецком и ряде других языков заимствованы из латинского. В ряде стран Африки таким же образом были заимствованы названия мусульманского календаря [40].

Ряд народов предпочел заимствованию свои собственные названия, и единицы новой системы календаря получили названия по характерным признакам того или иного месяца, например, январь в чешском языке — *leden*, март в украинском — *березень*, май — *травень* и др.

В истории формирования лексики с временным значением следует выделить несколько путей в плане формирования временного содержания слов. Первый из них представляет собой отражение процесса познания временной формы существования явлений действительности и формирования понятий времени на основе понятий движения, атмосферных явлений, человеческой деятельности. Второй путь представляет собой операции с уже имеющимися единицами времени (день, год) и образование на их основе временных систем: календарей (с их иерархизированной системой единиц), механизмов измерения времени (с их единицами измерения), что потребовало создания особой темпоральной лексики, выражающей появившуюся систему новых понятий.

Следующий путь связан со спецификой языкового общения и языкового мышления. Он предполагает реализацию внутренних языковых ресурсов при образовании новой лексики. Перенесение названий явлений действительности на отрезок времени, в течение которого они протекают, является одним из распространенных способов образования темпоральных значений слов в современных языках. Ср., например, русск. *сенокос* как событие и *в сенокос* как время сенокосения, франц. *rentrée* «возобновление занятий в школе осенью» и «время, когда осенью возобновляются школьные занятия» и многие другие. Подобное же явление наблюдается в истории формирования большого массива лексики в разных языках, например, лат. *tempus* «погода», «время», русск. *время* (от общиндоевропейского корня *cert-* «вращать, вертеть»), русск. *день* (от праиндоевропейского корня *di-* «светить») [33, с. 16, 83].

У римлян названия месяцам нового календаря давались исходя из

разных оснований: по именам государственных деятелей (июнь — по имени Юния Брута, июль — по имени Юлия Цезаря, август — по имени Августа), по именам богов, покровителей данного периода времени (январь — по имени Януса, март — по имени Марса, май — по имени богини Майя), по их месту в системе календаря (сентябрь — седьмой, октябрь — восьмой и т. д.)⁹.

При создании республиканского календаря во Франции месяцы получили названия по атмосферным явлениям, характерным для данного сезона (*brumaire* от франц. *brume* «туман», *frimaire* от франц. *frimas* «изморозь», *thermidor* от греч. *thermon* «жара»), по состоянию природы (*germinal* от лат. *germen* «росток», *floréal* от лат. *floreus* «цветочный»), по деятельности, характерной для данного периода времени (*messidor* от греч. *messis* «жатва» и греч. *dōron* «дар»).

Название 1/60 часа в латинском получает название *minuta* от *minutus* «маленький», а *secunda* — от *secundus* «следующий» (*divisio*) *secunda* «следующее деление»). Из латинского данные слова вошли во многие другие языки, что сопровождалось их демотивацией. Отдельные единицы служат базой для новых образований, например, от русск. *год* образованы устойчивые сочетания: *сидерический* (звездный) *год*, *тропический год*, *аномалистический год*, *драконический год*, *календарный*, *учебный год*, *лунный год*. Подобные же процессы можно наблюдать и в других языках.

При образовании темпоральной лексики происходят процессы, характерные для той или иной языковой системы. Так, в ряде случаев наблюдается процесс демотивации лексики с временным значением. Будучи мотивированными в латинском языке, названия месяцев становятся немотивированными в языках, которые заимствовали эти названия. Процесс эллипсиса, начавшийся еще у римлян, употреблявших как полное название (например, *Januarius mensis*), так и усеченное (*Januarius*), получил завершение в других языках, где была заимствована только первая часть названия месяца.

❖ Процесс демотивации наблюдается при формировании названий дней недели. Во французском языке произошел процесс сращения, при котором латинские сочетания *lunae dies* «день Луны», *martis dies* «день Марса» и другие дали ряд синтетических существительных: *lundi*, *mardi* и др.

❖ Со временем названия года получают цифровое обозначение, а в некоторых языках — и дни недели, и месяцы. В русском языке такие названия дней недели, как *вторник* (второй после воскресенья), *среда* (середина недели), *четверг* (четвертый), *пятница* (пятый), свидетельствуют об их дифференциации по порядковому признаку.

Следует отметить определенную избирательность языка при заимствовании временной лексики. Как правило, заимствуется одна единица, а в последующем на ее базе формируется группа однокоренных слов по словообразовательным моделям данного языка, например, франц. *actuel*, которое произошло от лат. *actualis* «действительный, деятельный», послужило основой для слов: *actualité*, *actuellement*, *actualiser*, *actualisation*.

Процесс образования временной лексики продолжается по продуктивным моделям на базе латинских предлогов: *ante-* «перед», *post-* «после», *prae-* «перед», *ex-* «после», *retro-* «назад», на базе препозитивных слов греческого языка: *neo-* от *neos* «новый», *tachy-* и *tacheo-* от *takheos* «быстрый», *geront(o)* от *gerōn*, *gerontos* «старик».

ЛИТЕРАТУРА

1. The study of time. Proceedings of the First Conference of the International Society for the study of time. Berlin — Heidelberg — New York, 1972.
2. The study of time. II. Proceedings of the Second Conference of the International Society for the study of time. Berlin — Heidelberg — New York, 1975.

⁹ Сентябрь был седьмым по счету в календаре древних римлян.

3. Молчанов Ю. Б. Труды «Международного общества по изучению времени». — ВФ, 1977, № 5.
4. Энгельс Ф. Анти-Дюринг. — В кн.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд., т. 20.
5. Мостепаненко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969.
6. Молчанов Ю. Б., Турсунов А. Проблемы пространства и времени в свете философских идей В. И. Ленина. — Коммунист, 1974, № 6.
7. Александров А. Д. Пространство и время в современной физике в свете философских идей Ленина. — В кн.: Ленин и современное естествознание. М., 1969.
8. Пятрушев В. Д. Время как экономическая категория. М., 1966.
9. Гуревич А. Я. Время как проблема истории культуры. — ВФ, 1969, № 3.
10. Бахтин М. Формы времени и хронотопа в романе. — В кн.: Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
11. Космин Ю. А., Салин Ю. С., Соловьев В. А. Философские проблемы геологического времени. — ВФ, 1974, № 2.
12. Яковлев В. П. Социальное время. Ростов-на-Дону, 1980.
13. Панфилов В. З. О некоторых аспектах социальной природы языка. — ВЯ, 1982, № 6.
14. Маковский М. М. Понятие лингвистического времени. — ИЯШ, 1976, № 6.
15. Панфилов В. З. Грамматика нивхского языка. ч. 2. М. — Л., 1965.
16. Ломтев Т. П. Предложение и его грамматические категории. М., 1972.
17. Коротков Н. Н. Основные особенности морфологического строя китайского языка. М., 1968.
18. Бондарко А. В. Грамматическая категория и контекст. Л., 1971.
19. Потаенко Н. А. Словарные дефиниции как средство выявления принципов организации лексики (на материале слов со значением «время» во французском языке). — ВЯ, 1980, № 5.
20. Словарь наиболее употребительных слов английского, немецкого и французского языков. Под общ. ред. Рахманова И. В. М., 1960.
21. Частотный словарь русского языка. Под ред. Засориной Л. Н. М., 1977.
22. Gougenheim G. Dictionnaire fondamental de la langue française. Paris, 1961.
23. Словарь современного русского литературного языка. Т. 1—17. М. — Л., 1950—1965.
24. Janet P. L'évolution de la mémoire et de la notion du temps. — V. 1—3. Paris, 1928.
25. Гвоздев А. Н. Формирование у ребенка грамматического строя русского языка. М., 1949.
26. Piaget J. Le développement de la notion de temps chez l'enfant. Paris, 1946.
27. Leopold W. F. Patterning in children's language learning. — In: Language learning. V. 5, N 1—2. Ann Arbor, 1953—1954.
28. Geodakjan J. M. Expression of the category of time in the speech of a young child. — In: Soviet studies in language and language behaviour. Amsterdam, 1976.
29. Grégoire A. L'apprentissage du langage (la troisième année et les années suivantes). Vol. 2. Gembloux, 1947.
30. Rostand F. Grammaire et affectivité. Paris, 1951.
31. Мецанинова И. И. Глагол. М., 1982.
32. Вандриес Ж. Язык. М., 1937.
33. Ардентов Б. П. Выражение времени в русском языке. Кипяев, 1975.
34. Смирницкая О. А. Эволюция видо-временной системы в германских языках. — В кн.: Историко-типологическая морфология германских языков: категория глагола. М., 1977.
35. Jacobsson G. Le nom de temps *lěto* dans les langues slaves. — In: Études de philologie slave publiées par l'Institut russe de l'Université de Stockholm, 1947, N 1.
36. Sestak A. Pojem času v jazyce francouzském. Brno, 1936.
37. Ивашина Н. В. Семантическая микросистема обозначений времени в праславянском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Минск, 1977.
38. Морковкин В. В. Идеографическое описание лексики. Анализ слов со значением времени в русском языке: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1973.
39. Потаенко Н. А. Категория времени и ее выражение в лексико-семантической системе языка: Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. М., 1981.
40. L'expression du temps dans quelques langues de l'Ouest africain. — Cahiers ORSTOM. Série sciences humaines. Paris, 1972.